

На свете нет абсолютно бесполезных людей — любой мусор, если разобраться, всего лишь ценность, оставленная не на своем месте. Вслед за свекровью в истинности этой мудрости на примере собственного сына, Хань Гана, убедилась и Чэнь Юэсян.

После того как старуха Ван устроила у них во дворе скандал, вся деревня затаила дыхание. Люди ждали, что в семействе Хань начнется крошечный ад с криками и битьем посуды. Кто-то из соседей — особенно из завистливого клана Ли — даже семечки с чаем припас, предвкушая знатное зрелище.

Но любители чужих несчастий просчитались. В доме Хань воцарился на редкость образцовый покой. Ни ссор, ни упреков. Хань Ган даже не думал злиться на младшего брата за расстроенную помолвку. Напротив, вся семья зажила дружно и ладно.

И удивительнее всего переменялся сам Хань Ган. Ленивым он не был и прежде, но теперь трудился с каким-то неистовым рвением. В поле так и рвался на самые тяжелые участки, напрочь забыв, как отлынивать от работы. Дома переделал все дела: и воду таскал, и дрова колот, и даже грязную посуду у сестер из рук выхватывал.

Хань Мэй диву давалась. Улучив минуту, она тихонько спросила у Хань Дуя:

— Сяо Жуй, скажи честно: у Ганцзы от переживаний голова не поехала?

Хань Дуй лишь усмехнулся:

— Все с ним в порядке, просто парень наконец-то прозрел и понял жизнь. Твоя задача теперь — во всем ему потакать. Хочет работать — пусть работает. Чего-то делать не умеет — научи. В конце концов, мы ведь стараемся ради его собственного блага.

Хань Мэй онемела от удивления.

Она не сомневалась: это Сяо Жуй приложил руку и как-то хитро обработал старшего брата. Теперь Хань Мэй смотрела на младшего с благоговейным восторгом. Надо же — расшевелить такое упрямое бревно, как Хань Ган! Да для ее братишки, похоже, вообще не существовало ничего невозможного. Третья сестра, Хань Чжу, тоже находила эти метаморфозы чистым чудом.

Когда главный смутьян превратился в безропотную и безотказную рабочую силу, в семье воцарились мир и благодать. Хань Дахуа и Чэнь Юэсян не могли нарадоваться на сыновей.

Сам же Хань Дуй считал, что перевоспитание идет неплохо, однако предел совершенства еще далеко не достигнут.

В один из дней, когда небо прояснилось и припекло ласковое полуденное солнце, Хань Дуй

критическим взором окинул скопившуюся гору грязного белья. Стиральных машин в те годы в деревнях отродясь не видели. Сваливать стирку на мать или сестер совесть ему не позволяла, а самому возиться в холодной воде было лень. Поразмыслив, он устремил задумчивый взгляд на Хань Гана.

Поманив брата пальцем, Хань Дуй заговорил с предельной серьезностью:

— Брат, ты за эти дни заложил отличный фундамент. Сегодня я выведу тебя в свет — покажемся местным кумушкам у реки, поторгнем лицом. Твоя задача — проявить себя с лучшей стороны.

Хань Ган, уже смирившийся со своей горькой долей и переставший бегать от реальности, угрюмо буркнул в ответ:

— Каким еще лицом торговать? С моей-то рожей лучше вообще людям на глаза не показываться.

Хань Дуй даже поперхнулся от такой стремительной самокритики.

— Брат, в корне неверный подход, — мягко возразил он, покачав головой. — Нельзя прятаться только потому, что природа не наградила тебя красотой. Наоборот, мелькай у всех перед глазами почаще, чтобы они к тебе привыкли. Да и как ты утаишь такую глыбу? Слушай меня: сейчас мы берем таз и идем стирать на речку. Пусть все увидят, какой ты трудолюбивый, заботливый и какая у тебя богатая внутренняя культура.

— Так я свое белье вчера еще все перестирал, — растерялся Хань Ган. Он ведь твердо решил следовать советам брата — следить за гигиеной, чистить зубы и вовремя менять рубахи.

— Тоже мне беда! — отмахнулся Хань Дуй. — Можешь взять мое, пользуйся моей щедростью. Стирать вещи младшего брата — это даже выгоднее для твоей репутации. Представь: увидят тебя бабы на реке и сразу ахнут: «Какой заботливый старший брат!»

После недолгой, но вдохновенной лекции Хань Ган послушно взвалил на плечо таз с чужим грязным бельем и покорно поплелся за братом к воде.

Их появление на берегу сразу привлекло всеобщее внимание. Женщины, полоскавшие одежду, с нескрываемым любопытством уставились на странную парочку.

Хань Дуй шел с самым невозмутимым и благообразным видом, приветливо кивая односельчанкам направо и налево. Хань Ган же чувствовал себя не в своей тарелке. Насупившись, он молча протолкался к свободной мостушке, опустил таз и принялся яростно тереть рубаху.

Хань Дуй устроился рядышком, лениво давая ценные указания, как лучше отстирывать воротнички.

Вскоре одна из любопытных тетусек не выдержала и крикнула:

— Ой, Сяо Жуй! А чего это твой старший брат бабьей работой занялся? С каких это пор мужики на речке стирают?

Хань Дуй с готовностью улыбнулся:

— Тетушка, мой брат за последние дни прошел через глубокое внутреннее очищение. Он поставил перед собой великую цель: стать образцовым мужчиной новой эпохи, вооруженным передовыми пролетарскими идеями!

— Ишь ты, завернул как! — заинтересовалась женщина. — А ну-ка расскажи поподробнее, что это за зверь такой?

Хань Дуй с важным видом принялся разъяснять политику партии в быту:

— Смотрите сами. Новая эпоха — это наше социалистическое настоящее, в корне отличающееся от темного феодального прошлого. А передовые идеи состоят в том, что сознательный мужчина должен не только в поле вкалывать, но и дома плечо подставлять: стирать, готовить, с детьми возиться.

Эти слова произвели среди деревенских женщин эффект разорвавшейся бомбы. Забыв про свои недостиженные простыни, молодухи и солидные матроны обступили юношу, жадно ловя каждое слово.

Хань Дуй вальяжно уселся на теплый валун и развернул импровизированную трибуну. Словно на партийном съезде, он терпеливо отвечал на посыпавшиеся со всех сторон вопросы, а под конец торжественно указал на усердно пыхтящего брата:

— Мой старший брат Хань Ган под моим идейным руководством решил полностью перековать свой характер. Отныне никаких вспышек гнева! Только честный труд на благо коллектива и помощь по хозяйству дома. Пусть внешне он неказист, зато внутри у него — чистое золото! Прошу всех присутствующих лично контролировать его перевоспитание.

Женщины онемели от такого напора.

В воздухе повисло смутное ощущение подвоха, но сформулировать претензию никто не мог. Ну действительно, парень ведь за родного брата радуется, какие тут могут быть корыстные помыслы?

Пока бескорыстный Хань Дуй грелся на солнышке и непринужденно выуживал у расслабившихся баб свежие деревенские сплетни, Хань Ган покорно мок у воды под градом оценивающих женских взглядов.

Минут через сорок дело было сделано. Хань Дуй скомандовал возвращение.

По дороге домой Хань Ган, у которого в голове наконец-то провернулись шестеренки, подозрительно спросил:

— Сяо Жуй, ты вот все про нового идеального мужика толкуешь... А сам-то почему пальцем о палец не ударил?

Хань Дуй воззрился на него с глубоким, искренним недоумением:

— Брат, а я что — урод какой-то? Или мне невесту найти трудно?

Хань Ган честно помотал головой:

— Да нет, с этим у тебя порядок.

— Вот именно! — наставительно произнес Хань Дуй. — Помни о своей сверхзадаче. Твоя цель — компенсировать внешние недостатки выдающимися достоинствами. И не вздумай завидовать. У нас просто разные амплуа: я отвечаю за интеллектуальный прорыв, ты — за физическое превосходство. Все строго по науке, согласно индивидуальным особенностям каждого из нас.

Хань Ган послушно закивал:

— Ага. Понял. Я не завидую.

Когда они проходили мимо конторы производственной артели, Хань Дуй вспомнил, что сегодня еще не отмечался у руководства.

— Брат, подожди меня на улице, — бросил он Хань Гану. — Я зайду, потолкую с Ли Маньфу.

Старший брат вытаращил глаза от изумления:

— С самим капитаном Ли? Ты с ума сошел?

Хань Дуй лишь беззаботно махнул рукой:

— Да ладно тебе, в прошлый раз мы с ним душевно побеседовали. Жди здесь.

И он уверенно шагнул в ворота просторного двора.

Капитана Ли Маньфу на месте не оказалось — видать, укатил в коммуну на какое-нибудь очередное совещание.

Зато в кабинете обнаружили вице-капитан Лю Вэйго и старый бухгалтер Чжан Синьшэн. Последний как раз возился с ведомостями трудодней. В их Восьмом отряде числился штатный учетчик, но дед уже совсем сдал: вечно хворал, да и руки у него тряслись так, что чернильные кляксы заливали бумагу. Было ясно, что старик вот-вот уйдет на покой. Зная повадки Ли Маньфу, тот наверняка попытается пристроить на теплое местечко какого-нибудь своего племянника. И именно на эту должность нацелился Хань Дуй.

Хань Дуй вошел свободной, развязной походкой и расплылся в улыбке:

— Уважаемый вице-капитан Лю, товарищ бухгалтер Чжан! Добрейшего вам денечка. Все трудитесь на благо родины?

Лю Вэйго сделал вид, что оглох, и даже не поднял головы. Бухгалтер Чжан лишь сухо буркнул что-то неопределенное.

Хань Дуй, ничуть не смутившись, повернулся к притворщику и с притворным сочувствием вздохнул:

— Лю Вэйго, до чего же мне вас жаль! Столько лет вы не жалея сил радеете за благополучие нашего отряда. Совсем здоровье надорвали, вон, даже слух почти пропал. Беда, прямо слеза наворачивается...

Лю Вэйго так и перекошило. Ему очень хотелось крикнуть, что со слухом у него все прекрасно, но пришлось сдержаться.

Оставив вице-капитана в покое, Хань Дуй переключился на бухгалтера Чжана. Заметив, как тот усердно переносит цифры в чистовик, он ненавязчиво предложил:

— Товарищ Чжан, эти ведомости ведь потом на всеобщее обозрение вывешивать? Вы и так по уши в работе, давайте я помогу заполнить бланки. Почерк у меня, скромно говоря, вполне приличный.

Бухгалтер Чжан посмотрел на него поверх очков и как-то неопределенно хмыкнул.

Тут уж Лю Вэйго мгновенно «исцелился» от глухоты и замахал руками:

— Старина Чжан, ты что! Учет трудодней — дело государственной важности! Ошибешься хоть на пол-очка — люди бунт поднимут. Если сам не успеваешь, оставь, я позже помогу оформить.

Бухгалтер Чжан, слегка прищурившись, похлопал себя кулаком по ноющей пояснице и не торопясь промолвил:

— Да ладно, как-нибудь сам справлюсь.

Потом он повернулся к Хань Дую:

— А ты что, и кистью владеть умеешь?

— Обижаете, — улыбнулся Хань Дуй.

На столе как раз лежали тушечница и кисть. Хань Дуй взял ее в руку, обмакнул в тушь и легким, уверенным движением набросал на клочке бумаги несколько иероглифов. Старый бухгалтер так и подался вперед. Иероглифы вышли четкими, размашистыми, с приятной глазу каллиграфической силой.

— Батюшки, — удивился Чжан Синьшэн. — А это ты где так руку набил?

Хань Дуй даже глазом не моргнул:

— Да в уезде, когда в школе учился. Постоянно просили стенгазеты да лозунги писать. Вот и приноровился.

— А, ну тогда понятно, — закивал старик.

Лю Вэйго, сощурившись, вкрадчиво поинтересовался:

— Значит, лозунги, говоришь, пописывал? Агитацией промышлял?

— Да ну, какая там агитация, — небрежно отмахнулся Хань Дуй. — Так, помогал товарищам. Среди моих одноклассников полно хунвэйбинов было. Они меня, кстати, настойчиво зазывали в свои ряды, да я все думал, взвешивал... Сейчас вот локти кусаю. Посмотрите, как они теперь шикают! Разъезжают по всей стране, революционный опыт перенимают, некоторые в главари местной группировки бунтарей выбились — авторитет, сила! А я? Сижу в этой глуши, навоз нюхаю. Аж зависть берет. Честное слово, в наше время излишняя скромность только губит человека.

На самом деле Хань Дуй вовсе не рвался в группировку бунтарей, но поугарать заносчивого

вице-капитана перспективой занять в отряде буйного революционера стоило.

У Лю Вэйго мелко задергался левый глаз.

— Сяо Жуй, — выдавил он из себя, пытаясь сохранить менторский тон. — Я тебе как старший товарищ добра желаю. Послушай моего совета: живи смиренно, не лезь на рожон и выкинь из головы всю эту дурь.

Хань Дуй картинно вздохнул, уставившись в потолок:

— Да толку-то от моей смирности? Жил тихо-мирно — хорошую работу в городе отобрали. Теперь вот пытаюсь устроиться куда-нибудь по специальности — везде глухо, как в танке. Потерплю еще немного. Но если припрет окончательно... Что ж, тогда пеняйте на себя, терпелка у меня не железная.

У вице-капитана судорожно дернулась и правая щека.

Помаячив в конторе еще пару минут, Хань Дуй вежливо откланялся:

— Ладно, не буду отвлекать вас от великих дел. Пойду пройдуся, свежим воздухом подышу.

Стоило двери за ним захлопнуться, как Лю Вэйго подскочил со стула будто ошпаренный. Он пулей вылетел во двор, разыскал Ли Сяобо и велел тому глаз не спускать с Хань Дуя:

— Этот паршивец несет какую-то крамолу. Настроения у него явно антиобщественные, опасные. Следи за ним в оба!

Тем временем Хань Дуй вышел за ворота. Ждавший его Хань Ган тут же полюбопытствовал:

— Ну что, о чем вы там шептались?

— Да так, ни о чем особенном, — улыбнулся Хань Дуй. — Бухгалтер Чжан спросил, умею ли я писать кистью. Ну, я и показал класс.

Хань Ган промолчал, но в душе у него шевельнулось непривычное, горьковатое чувство зависти.

Ли Сяобо, подстрекаемый напутствиями вице-капитана, развил бурную деятельность. Он буквально тенью следовал за своей целью.

Хань Дуй прекрасно видел этот неуклюжий хвост, но и ухом не вел — жил в свое удовольствие

и занимался своими делами.

Когда настал день рождения Лю Фэнцю, Хань Дуй, прихватив в качестве подарка новенький блокнот, отправился в гости к семейству Лю. Именинник так и расцвел от неожиданной радости, а его родные приняли гостя с поистине царским гостеприимством.

Застолье вышло на славу: душевные разговоры, вкусная еда, искренний смех.

Сытый и довольный жизнью Хань Дуй неторопливо шагал обратно под сенью вечерних сумерек. На полпути из темноты вынырнул Ли Сяобо в сопровождении Ли Сяоцзяна и еще пары парней. Решив, что наконец-то поймал шпиона с поличным, Сяобо грозно преградил дорогу и закричал:

— Попался, Хань Дуй! Семья Лю — недобитые помещики, классовые враги и вредные элементы! А ты у них в доме рассиживаешь да разносолы набиваешь! Как ты это объяснишь?

Хань Дуй остановился, засунул руки в карманы и смерил противника снисходительным взглядом:

— Ли Сяобо, и не стыдно тебе? Вроде из семьи уважаемого активиста, а в элементарных вещах не смыслишь. Неужели ты никогда не слышал про великое дело перевоспитания враждебных элементов силами бедноты? Ты думаешь, я туда жрать ходил? Как бы не так! Я ходил вести беспощадную идеологическую работу. Мой метод глубок и продуман: я перевоспитываю их духовно, одновременно нанося им сокрушительный экономический урон путем поедания их припасов. Разоряю классового врага изнутри!

Ли Сяобо от такой виртуозной демагогии аж рот раскрыл. Перевадив услышанное, он растерянно спросил:

— Погоди... То есть, если так рассуждать, мы тоже можем пойти и сожрать у них все подчистую?

Хань Дуй тут же сделал строгое лицо и сурово покачал пальцем:

— Вот видишь! Хромает у тебя политическая подготовка, ох как хромает. Ты — родственник кадров! Твой долг — блюсти чистоту и не брать у масс ни иголки, ни нитки. А уж от врага принимать угощение — это вообще прямая дорога к перерождению и предательству. Тебя же там в два счета купят с потрохами! К тому же, сознательность у тебя слабовата. Вдруг они тебя самого сагируют? Ты вообще хоть одну революционную теорию наизусть знаешь? То-то и оно. Так что оставь это опасное дело профессионалам. Мой уровень подготовки позволяет мне рисковать собой на этом невидимом фронте, а тебе туда соваться не положено.